

Е.Н. Иванова

Вологодский государственный университет

СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО КОРНЕВОГО ГНЕЗДА С ПРАСЛАВЯНСКИМ КОРНЕМ *-PI- В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье характеризуется лексический состав исторического корневого гнезда с вершиной *пити* в древнерусском литературном языке, выявляются культурно-исторические факторы, определившие специфику семантических процессов в исследуемом историческом корневом гнезде.

Историческое корневое гнездо, лексико-семантическая зона, древнерусский литературный язык.

Историческое корневое гнездо (далее ИКГ) с вершиной **piti* сформировалось в праславянский период. В древнерусский период под влиянием экстралингвистических и собственно лингвистических факторов лексический состав исследуемого ИКГ подвергся количественным и качественным изменениям. В статье дается описание функционально-семантической дивергенции слов с праславянским корнем **-pi-* в древнерусском литературном языке. Под функционально-семантической дивергенцией вслед за Л.Г. Яцкевич понимаем развитие у производных слов разных лексических значений в разных номинативных сферах функционирования и формирование на этой основе в структуре исторического корневого гнезда особых лексико-семантических зон (далее ЛСЗ). ЛСЗ составляют слова с одним этимологическим корнем, имеющие в содержании своих лексических значений интегральную сему [5, с. 77]. Основным источником для восстановления семантической структуры ИКГ в древнерусский период послужили данные «Словаря русского языка XI–XVII вв.» (СлРЯ XI–XVII вв.).

Согласно концепции А.М. Камчатнова, в начальную эпоху древнерусской письменности существовал единый литературный язык со сложной функциональной дифференциацией. Исследователь выделяет три основных стиля древнерусского литературного языка: сакральный (книги Священного Писания, богословские сочинения, проповеди, жития святых), славяно-русский (оригинальные произведения светской литературы) и деловой [2, с. 53]. Возникновение дивергентных процессов связано со стилистическим расслоением лексики древнерусского языка. Результатом данных процессов является формирование в структуре ИКГ с вершиной *пити* новых ЛСЗ.

В древнерусский период в составе исследуемого ИКГ самой многочисленной является ЛСЗ «Питье, поглощение жидкости (о человеке)»: *попоити* ‘дать напиток’, *пиво* ‘то, что пьют; питье, напиток’, *питий* ‘пригодный для питья, питьевой’. Производные слова,

соотносящиеся с данной номинативной сферой, функционируют в текстах разных стилей и жанров. Лексемы, входящие в ЛСЗ «Питье, поглощение жидкости (о человеке)», активно развивают переносные значения, в результате в сакральном стиле древнерусского литературного языка складывается ЛСЗ «Преисполнение чувствами, мыслями»: *напаяти, напаявати, напоити* ‘насыщать, преисполнять’: *Яко же бо источникъ всюю испльняя въселеную, напои жаждьныя словесе бж҃іа*. Похвальное слово Кириллу и Мефодию, Успенский сборник, XII–XIII вв. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 10, с. 182).

Формирование данной ЛСЗ обусловлено процессами семантического калькирования с греческого. Как отмечает М.М. Копыленко, кальки с греческого «прибавляют к славянским словам добавочные значения, которые переносят их из бытового плана в план более высокий, в сферу научных, культурных, мировоззренческих ассоциаций» [3, с. 142]. Под влиянием греческой метафоры расширяется круг существительных, которые выполняют функцию дополнения при глаголах, изначально обозначавших процесс поглощения жидкости: *Источникъ учения напоева цр҃квьное лице*. Обиход церковный, XIII в. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 10, с. 181), *Дѣа, бж҃ствѣнымъ поима писаниемъ, напоиться и плодъ зръѣтъ дастъ*. Богословие Иоанна Экзарха, XII–XIII вв. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 10, с. 182). Новые метафорические значения в текстах сакрального стиля развивают и производные от данных глаголов лексемы: *Образънѣже се бѣаше море – водѣ облакъ – духу, манѣна – жизньнууму хлѣбу, поение – божествѣнааго пития*. Слово Григория Назианзина, XI в. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 16, с. 91); *Духовнымъ пивомъ напоившаго жаждущая душа*. Слово похвальное Варлааму Хутынскому, XV в. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 15, с. 44).

Особое место в лексико-семантической структуре ИКГ занимают устойчивые словосочетания, в состав которых входит словообразовательный старославя-

низм *испити*: *испити Христову чашу* ‘страдать так, как страдал Христос’: *Въ святителѣхъ и въ мученицѣхъ подобнь бысть, прѣподобьне, вѣрнь явися пастырь, и Христову испивъ чашу, тѣмъ же обоуду угодынь бывъ самому Богу*. Стихирарь, XII в. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 6, с. 272). По мнению А.М. Камчатнова, употребление старославянизмов в текстах сакрального стиля древнерусского языка непосредственно связано со средневековыми представлениями о символическом характере слова и языка [2, с. 57]. В сознании средневекового книжника *чаши* является символом Иисуса Христа, принявшего на себя крестные страдания и заключившего новый завет человека с Богом: *ѣа чаша нѣвыи зъвѣтъя моѣю крѣвю, ѣже закъи проливѣтъя* (Лк. 22, 20).

В текстах сакрального и славяно-русского стилей отмечено устойчивое сочетание *испити чашу смертную* ‘умереть, погибнуть’: *Изопью чашу смѣртную за стѣбя бж҃іа цркѣви*. Повесть о Николе Зараском, XVI в. ~ XIV в. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 6, с. 272). Выражение *испити чашу* восходит к Библии и фиксируется в старославянских текстах: *чашѣ оубо ѣже азъ пию (испытѣ)* (СС, с. 267). Уже в старославянском языке лексема *чаши* развивает метафорическое значение ‘судьба, доля, участь’: *о<тъ>че мон • дште възможно естъ • да мимо идетъ отъ мене чаша си* (СС, с. 777).

В текстах славяно-русского стиля под влиянием фольклорной традиции происходит семантическая трансформация библейского образа-символа, устойчивое сочетание *испити чашу смертную* употребляется в значении ‘погибнуть в бою’: *И не оста во граде ни един живых, вси равно умроша и едину чашу смертную пиша*. Повесть о разорении Рязани Батыем (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 6, с. 272). Как отмечает В.П. Адрианова-Перетц, «смертная чаша в русских воинских повестях, начиная с повести о Рязанском разорении, – это употребление книжного образа в картине, которая опирается на устно-поэтическую традицию» [1, с. 52].

В произведениях светской литературы в результате расширения сочетаемости старославянизма *испити* возникает новый образ-символ: *Хошу бо, – рече, – копие приломити конецъ поля Половецкаго, съ вами, русици, хошу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону*. Слово о полку Игореве (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 6, с. 272). В тексте «Слова» семантически связанное сочетание *испити шеломомъ Дону* приобретает символическое значение ‘одержат победу в битве’.

В праславянский период в структуре ИКГ с вершиной **piti* сложилась ЛСЗ «Орошение, увлажнение». Развитие у глагола **piti* значения ‘впитывать какую-либо жидкость, становиться влажным (о земле)’ и формирование самостоятельной ЛСЗ обусловлено синкретизмом мифологического мышления и является отражением языческого культа земли. Как отмечает В.Н. Топоров, «в большинстве наиболее важных контекстов, обнаруживающих глубинные смыслы этого образа, перед нами не просто земля (апеллятив), но именно Земля, имя собственное, относящееся к пер-

сонифицированному образу земли» [4, с. 245]. В сознании древних славян наиболее важная характеристика земли – ее сырость, «влага, как вещество жизни, воплощаемое Землей и на земле живущей, играет настолько важную роль, что входит в традиционное именование Земли – Мать-сыра Земля» [4, с. 251].

Данная ЛСЗ представлена и в древнерусском фрагменте ИКГ: *напаяти, напояти* ‘орошать, поливать, увлажнять, напитывать влагой’, *напаяние* ‘орошение’, *напиватися* ‘пропитываться, насыщаться (влагой)’. Языковое сознание средневековья основано на уподоблении, поэтому лексемы, составляющие ЛСЗ «Орошение, увлажнение», в текстах сакрального стиля развивают новые оттенки значения и входят в ЛСЗ «Преисполнение мыслями, чувствами»: *Суштую же дрѣвле неплодну въселеную... многоплодну явить естъ влѣка, бж҃іими точении напоение нанесь*. Чудовская псалтырь, XI в. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 10, с. 182).

В праславянский период на базе лексем, производных от девербатива **piti*, сложилась ЛСЗ «Пиршество, празднество». В древнерусский период в данную ЛСЗ активно включаются слова, образованные по старославянским словообразовательным моделям: *пирие* ‘собр. к *пир*’, *пирение* ‘пир, пиршество’, *пиршество* ‘пиршество, празднество’. В результате семантического переноса лексемы со значением ‘пиршество, празднество’ расширяют сочетаемость и входят в ЛСЗ «Преисполнение мыслями, чувствами»: *Да не отидеть алчющъ, но насыщеся дх҃внаго пира учения сего*. Измарагд, XVI в. ~ XIV в. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 15, с. 48); *Праоць бу Иакимъ нынѣ предълежитъ намъ на пирение дх҃вовное, въсеславне*. Минея, сентябрь, 1096 г. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 15, с. 47). В текстах славяно-русского стиля трансформация ЛСЗ «Пиршество, празднество» связана с влиянием устно-поэтической традиции: *Ту пирь докончаша храбрии русичи: сваты попиоша, а сами полегоша за землю Рускую*. Слово о полку Игореве (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 15, с. 47). Как отмечает В.П. Адрианова-Перетц, фольклорная метафора *пир-битва* является типичной для воинских повестей XII–XIII вв. [1, с. 52].

В праславянский период в структуре ИКГ начинается формироваться ЛСЗ «Всасывание жидкости (о насекомом или животном)»: **pijavъka, *pijavica* ‘пиявка’ (Фасмер, т. 3, с. 271). В старославянских текстах зафиксировано устойчивое словосочетание *крѣвнижъ питомъ* ‘кровожадный’ и употребляющееся в том же значении прилагательное *крѣвопнѣвъ* – калька с греческого *αιματοφς* (СС, с. 295). В древнерусских текстах XII–XIII вв. сложные лексемы *кровопиець, кровопийца, кровопивецъ, кровопивица* могут называть не только кровожадного зверя, но и жестокого человека: *Хуляхуть, гл҃юще сквернии кровопивецъ*. Пчела, XIV–XV вв. ~ XIII в. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 8, с. 64). В составе устойчивого словосочетания *пити кровь* ‘мучить, притеснять кого-либо’ и производных от него лексем глагол *пити* утрачивает свое первичное номинативное значение. В результате на базе ЛСЗ

«Всасывание жидкости (о насекомом или животном)» складывается ЛСЗ «Жестокость, бессердечность».

В древнерусский период ИКГ с вершиной *пити* претерпело значительные эволюционные изменения. Преобразования в лексическом составе ИКГ связаны с формированием у восточных славян христианского мировоззрения, представлений о символическом характере слова. В результате функционально-семантической дивергенции у производных лексем в текстах сакрального и славяно-русского стилей формируются разные лексические значения, усложняется лексико-семантическая структура ИКГ, возникают новые ЛСЗ.

Литература

1. Адрианова-Перетц, В.П. Очерки поэтического стиля Древней Руси / В.П. Адрианова-Перетц. – Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1947. – 188 с.

2. Камчатнов, А.М. История русского литературного языка. XI – первая половина XIX века / А.М. Камчатнов. – Москва: Академия, 2005. – 688 с.

3. Копыленко, М.М. Кальки греческого происхождения в языке древнерусской письменности / М.М. Копыленко // Византийский временник. – Москва: Наука, 1973. – Т. 34. – С. 141–150.

4. Топоров, В.Н. К реконструкции балто-славянского мифологического образа Земли-Матери / В.Н. Топоров // Балто-славянские исследования 1998–1999. XIV. Сборник научных трудов. – Москва: Индрик, 2000. – С. 239–372.

5. Яцкевич, Л.Г. Принципы структурной организации исторических корневых гнезд / Л.Г. Яцкевич // Слово. Семантика. Текст: сборник научных трудов. – Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2002. – С. 76–79.

Словари

СЛРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. / ред. С.Г. Бархударов и др. – Москва: Наука, 1975–2016. – Вып. 1–30.

СС – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. – Москва: Русский язык, 1994. – 842 с.

Фасмер – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – Москва: Астрель, 2003.

E.N. Ivanova

SEMANTIC DEVELOPMENT OF HISTORICAL ROOT PARADIGMS WITH THE PROTO-SLAVIC ROOT **-PI-* IN THE OLD RUSSIAN LANGUAGE

Lexical composition of the historical root cluster with the root **piti* in the Old Russian literary language is described in the article. The author analyzes the cultural and historical factors which influenced semantic processes in the historical root cluster.

Historical root cluster, lexical-semantic area, the Old Russian literary language.